

Встреча / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 22 января, 2025

Встреча / рассказ В С Т Р Е Ч А

Во всем виновата проклятая война. Если бы не она, Чарыгулы, как и его сверстники, ходил бы с широкой улыбкой на лице. Но не то сейчас время, чтобы в улыбке обнажать зубы. Лица у всех хмурые. И лишь детство иногда помогает забывать обо всех невзгодах.

Мальчишка, которому пошел только шестой год, хоть и не понимал смысла слова «революция», догадывался, что от нее идут все их беды, что из-за этой напасти в душе его поселилась постоянная тревога.

То про каких-то «красных» говорят, то про «белых», понять ничего невозможно. А на деле врагами сделали не только соседей, но и отца с сыном, брата с братом. То, что они отдалились от Бога, ни у кого не вызывало сомнений, ведь на мулл и ишанов как на своих заклятых врагов смотрели те, кто глотку драл за «новый строй». Для них врагами стали и баи, и купцы, и грамотные, и неучи.

«О, Аллах, что за нелюди пришли сюда, они же умудрились разобщить жителей некогда сплоченного аула, которые были одной большой семьей и все вместе кормились лепешками от четырех тамдыров. И попробуй выразить свое недовольство, сразу же окажешься неизвестно где, даже сам Аллах не будет знать», - только мне тихонько говорил дед. То ли ветер разнес этот разговор, то ли кто-то подглядел – подслушал, только совсем скоро Гулгельды ага словно ветром сдуло из села. Больше его никто и никогда не видел.

– Эй, Чары, твой дед стал врагом народа, поэтому его посадили? Услышав этот вопрос от Мулки, он чуть дара речи не лишился. Его тонкие, как у обессиленной птички, ножки задрожали, глаза мальчика налились слезами. Мало того, что у него умер отец, он ведь и мать свою по имени Алмагуль не помнит, не может представить ее облика. По слухам, мальчику не было и двух лет,

когда его мать ушла из жизни. Эх, будь у него дед, он бы не так остро ощущал свое сиротство... Мальчик и прежде не очень-то жаловал Мулки, а после таких слов стал всячески избегать встреч с ним. Боялся, что тот может еще что-нибудь неприятное сказать. Негодяй, сверстники не на пустом месте дали тебе кличку «ялак», что означает собачья миска. Твой рот и в самом деле напоминает собачью миску, от тебя никогда хороших слов не услышишь. Люди шепотом говорят, что и отец твой, Черри шакал, стукач. «Тот бай», «этот ишан» – куда надо «стучит» он, ты хоть лопни от злости, но это твой отец доносит на людей.

– Э-эй, идиот безмозглый, если ты хочешь вечером что-то в рот положить, сходи и принеси для растопки валежник или сухой кизяк, хоть что-то.

Чарыгулы мгновенно вскочил с места, словно боялся, что его нагонит и ударит не сама гелнедже – жена старшего брата, а ее противный скрипучий голос.

Когда тебя лишают твоего возраста, возможности смеяться, играть и радоваться жизни, разум взрослеет не по годам. Его дед Гулгельды ага был здешним мирабом, он распоряжался водами всего Булаклы. Это старое село раскинулось на равнине у оконечности широкого ущелья, спускающегося с заснеженных вершин Копетдага. То, что село старое, Чарыгулы понял из рассказов деда. «С того дня, когда вот эта чинара пустила корни, прошла жизнь четырех поколений людей. Я об этом знаю из рассказов своего деда. Видишь вон тот королевский тутовник, что растет с северной стороны нашего дома? Его крона похожа на голову, одетую в мерлушковую папаху. Так вот, этому дереву тоже больше ста лет. Запомни, дитя, в земле этого села много пуповин зарыто». Мальчик помнит ласковый голос деда, помнит его рассказы. О, Аллах, скажи мне, где теперь мой родной, мой любимый дед?

Из-за худобы мальчишка, возраст которого приближался к двенадцати годам, казался гораздо выше своих сверстников, к тоненькой, словно стебелек, шее была приделана продолговатая голова с оттопыренными ушами. Он поспешил к подножью холма, прилепившегося к склону горы, к месту, где обычно отводил душу. Ну, куда еще мог спрятаться этот доходяга от угроз своей

гелнедже?! Он даже не самих угроз родственницы боится, хотя и не без этого, его больше пугает ее скрипучий голос, похожий на неприятный звук, издаваемый трущимися друг о друга черепками разбитого кувшина, этот звук проникает в самый мозг и парализует волю мальчика. Голос гелнедже Сумсе. Интересно, почему мать назвала ее таким странным именем – Сумсе?

– Аю-ю, дармод, до каких пор я должна заставлять тебя что-то делать? Сходи, нарви травы и накорми корову, а то она мычит и мычит, на нервы действует! Небось, когда я иду с подойником к ней, ты не можешь дождаться, пока вскипит молоко...

Скрипучий голос родственницы преследовал мальчишку до самого места, куда он ринулся с мешком и серпом в руках. «Кабы она и в самом деле давала мне вдоволь напиться молока. Почему Моммы и Чарлы она наливает молока до краев в большие пиалы, а мне в старую треснутую кружку, да и то на донышке? Неужели мой старший брат Сахат тоже, как и я, боится ее? А иначе мог бы приструнить жену, сказать, чтобы она прикусила свой ядовитый язык, не издевалась надо мной».

«Эх, была бы жива мама, она бы не допустила такого обращения со мной».

Комок горьких слез застрял в горле. Покрытые цыпками худые ножки мальчика прибавили ходу. Глядя всю дорогу себе под ноги, мальчик не заметил, как далеко ушел. И только услышав плеск воды, поднял голову. Вода, падающая из узкой горной расщелины, разливалась по этой равнине, образуя небольшую речку. У похжей на серп излучины этой горной речушки купались мальчишки.

Он тут же забыл и про мешок, и про серп. Чарыгулы на ходу скинул с себя задубевшую от пота старенькую рубашку, развязал поясок штанов, длина которых была чуть ниже колен, и с ходу бросился в воду. В умении плавать ему не было равных. Вот и сейчас он, пlying словно рыба, под водой одолел расстояние до противоположного берега. Наблюдавший за ним Мюлки произнес с завистью:

– Эй, Чары, давай устроим соревнование и посмотрим, кто вперед доплывет до того берега,

Дорткули, всегда готовый подзадорить любого спорщика, тут же

внес предложение:

– Тот, кто проиграет, должен будет доверху наполнить травой мешок победителя. Пойдет?

Голоса мальчишек, согласных с предложением товарища, заглушили шум воды. Встав рядом, эти двое одновременно прыгнули в воду. Даже под водой не закрывая глаз, Чарыгулы изо всех сил работали руками и ногами. Доплыв до противоположного берега и повернув назад, он увидел, что Мулки одолел только половину пути. Чарыгулы поплыл обратно. Его легкое, как пушинка, тельце свободно прорезало мелкие волны. Как только он вылез из воды, раздались крики мальчишек:

– Чары победил!

– Пока этот толстяк плыл до того берега, Чары успел вернуться обратно!

– Мулки хан хорошо умеет не плавать, а траву косить. Давай, вперед!

Но побежденный и не думал сдаваться. Он вдруг выдал то, что никому и в голову не могло придти. Указав пальцем на выходящего из воды Чарыгулы, он произнес слова, в которые вложил всю силу своего презрения:

– Я не стану косить траву для безбожника, – человека без суннета. Не верите мне, сами посмотрите, его плоть не похожа на вашу, лишняя кожа свисает.

После этих слов ни глаза Чарыгулы ничего не видели, ни уши не слышали, кто и что говорил. Голова закружилась, в глазах мальчика потемнело, все тело пронизала дрожь. Лишь спустя какое-то время он заметил, что, кряхтя, косит траву, что от злости полоснул серпом по

мизинцу, и теперь его кровь капала на траву. Он почувствовал, что рядом с ним кто-то стоит и пристально смотрит на него. Нехотя подняв голову, Чарыгулы увидел Атадурды. Губы его были плотно сжаты.

– Не переживай, этот негодяй получил по заслугам. Не расстраивайся и не переживай так сильно. Давай сюда серп, я помогу тебе накосить травы.

Атадурды был самым жалостливым среди сверстников и всегда вступался за мальчика-сироту. Его поддержка растрогала

Чарыгулы до слез. Мальчик не сомневался, что его защитник не испугался здорового Мулки и дал тому пощечину. Хотя он не намного крупнее Чарыгулы, зато у Атадурды есть старшие братья, которые любому обидчику дадут отпор. «Как же хорошо иметь большую семью, когда у тебя много братьев! Ведь тогда никто не посмеет дурного слова в твой адрес сказать, обидеть тебя». От этих мыслей на глаза Чарыгулы вновь навернулись слезы.

Взвалив на плечи плотно набитый травой мешок, Атадурды вдруг сделал неожиданное предложение:

– А ну, пойдём к моему деду. Он обязательно придумает, как решить твою проблему.

Чарыгулы радовался, словно у него вдруг обнаружилась близкая родня, его покрытые цыпками ноги в тонких сандалиях – чепеках легко отрывались от земли. Как же все хорошо складывается! Хакназар ага – старейшина села Булаклы, уважаемый человек. К тому же он был близким другом его деда Гулгелди мираба. Каждый раз при встрече он гладил мальчика по голове, утешал: «Все проходит, сынок, и это пройдет, надо только набраться терпения и немного переждать. Вот увидишь, настанут другие времена». Эх, скорее бы ему сделали обрезание, чтобы никто из пацанов не посмел бросить в него камень...

Хакназар ага сидел перед своей покосившейся мазанкой и вместе со своим сверстником Гуллы ага скручивал веревку из грубой овечьей шерсти. Атадурды не стал деликатничать, с ходу выпалил:

– Ата, ему надо сделать обрезание!

Неожиданные слова, вырвавшиеся из уст мальчишки, совсем ребенка, про которого говорят: у него молоко матери на губах не обсохло, вызвали растерянность у обоих стариков. Они посмотрели на Атадурды, потом перевели взгляд на Чарыгулы, всем своим видом показывавшего, что он готов хоть сейчас спустить штаны, затем обменялись взглядами друг с другом. Затянувшуюся паузу нарушил Хакназар ага:

– Вы пока идите, поиграйте немного, а мы вас потом позовем.

У Чарыгулы появилась возможность отнести домой мешок с травой. Он ведь знает, что в противном случае скрипучий голос гелнедже достанет его в любом месте. Боясь, что Чарыгулы может

задержаться, Атадурды последовал за ним.

А между стариками состоялся следующий разговор:

– Ну, Гуллы, что ты на это скажешь?

– Честно говоря, я впервые слышу о том, что этому внуку Гулгельды мираба не сделали обрезания.

Хакназар ага косо посмотрел на собеседника:

– Ты хочешь сказать, что не слышал об этом в селе, где крик петуха в одном конце тут же долетает до другого конца?

Гуллы ага обиделся:

– Не пытайся оскорбить меня, Хакназар. Разве ты сам не знаешь, что сейчас такое время, когда не следует видеть и слышать лишнего?

– И все равно, если проследить родословную, этот мальчишка по какой-то линии является твоим родственником, я об этом хотел намекнуть тебе.

– Сейчас для каждого главное себя защитить. Брать на себя лишних родственников... – он кашлянул и быстро посмотрел по сторонам. – Будто ты сам не знаешь, сколько раз мальчишкам спускали штаны, проверяя, не сделано ли им обрезание. Ты разве не был свидетелем того, как Хошгельды уста отправили в ссылку только за то, что он сделал своему сыну обрезание?

– Соглашусь с тобой в этой части. И все же, его умерший отец не вернется уже никогда, а вот сосланный дед когда-нибудь может вернуться. И что мы ответим на его вопрос «Неужели у вас, старейшин этого села, не нашлось бритвы, чтобы отрезать моему внуку лишнюю плоть? Не выполнив Божьего предписания, вы покрыли свои головы позором!»? Знаешь что, ты в этих делах хорошо разбираешься, давай, мы сделаем этого мальчика мусульманином, это будет нашим благодеянием. А я помогу тебе, ты только говори, что надо делать. Совершим этот обряд с наступлением темноты, чтобы ни одна собака не учуяла...

Гуллы ага отбросил в сторону уже скрученную веревку.

– Не стану я ради маленького благодеяния бросать большую семью и отправляться на каторгу. А ты поступай, как считаешь нужным... На этом разговор был окончен. По лицам и поведению стариков Чарыгулы догадался, что вопрос решен не в его пользу, он стоял, как оглушенный, раскачивая из стороны в сторону свое

хлипкое тельце.

«Надо уходить, как можно скорее уходить отсюда. На что угодно пойти, но избавиться от этого позора».

Сердце бешено колотилось в груди, он не посмел высказать вслух то, что задумал. Но Аллах, похоже, услышал его мольбы. Не успели его отяжелевшие, словно на них навесили пудовые гири, ноги достичь порога дома, как ужасный, скрипучий голос гелнедже припечатал его к земле:

– У людей дети как дети, даже малолетние малыши что-то несут в дом, кормят себя. Они вон в Теджен ездят, колоски собирают на скошенном поле. Могли бы и наши поехать туда, а не сидеть с протянутой рукой и ждать, когда им что-то подадут поесть...

– Я поеду, - только и сказал Чарыгулы.

Забросив за плечо попавшийся под руки небольшой мешок, он поспешил на железнодорожную станцию, расположенную на северной окраине села. Совсем скоро через эту станцию пройдет поезд, идущий с запада на восток. Где-то там находится и Теджен. Он помнит, как старик-односельчанин, прозванный Ягшы агсаком за хромоту, показывая рукой в ту сторону, рассказывал: «Я работал в Теджене по найму. Вот на эту ногу упало тяжелое бревно, которое мы не удержали в руках, и раздробило всю кость». Мальчику не нужны были попутчики, он жаждал одиночества, хотел наедине с самим собой пережить свою беду. И когда поезд остановился, только он один взобрался в вагон. Никто не спросил, кто он и куда едет. Все сидят, опустив головы, будто боясь, что на них обрушится небо, да и на вопросы отвечают какими-то сонными голосами. И поэтому Чарыгулы, молча призывавший на помощь Бога, вздрогнул от неожиданности, когда кто-то потянул его за рукав.

– Эй, ты слышишь меня, сейчас придет кондуктор. Если он узнает, что мы безбилетники, высадит на ближайшей станции. Поэтому пошли, пройдем через вагон и из тамбура поднимемся на крышу вагона.

Не понимая и половины сказанного, Чарыгулы почувствовал искренность такого же, как он сам, незнакомого мальчишки, и, молча, последовал за ним. По уверенным действиям мальчика, назвавшегося Аликом, было видно, что он толковый и много раз

прежде проделывал такие действия. Первым делом он спросил:

– Ты тоже сирота?

Не дожидаясь ответа, порылся в своем вещмешке и достал кусок черного хлеба. Отломив половину, протянул Чарыгулы. У мальчишки, не ожидавшего такой доброты, к горлу подступил ком. На крыше вагона было прохладно, тело обдувал свежий ветерок. В вещмешке Алика нашлась и вода. Отпив несколько глотков воды из протянутой фляжки, Чарыгулы невольно подумал: «Гелнедже могла бы хотя бы больше воды дать с собой», и эта мысль неприятно кольнула его.

– Если ты раньше не пробовал спать наверху, будь осторожен. Во сне человек ворочается, запросто можешь упасть с крыши вагона и разбиться, как арбуз.

Этот совет заставил мальчика мгновенно открыть слипающиеся от сна глаза. Словно в колыбели, раскачиваясь на крыше вагона, Чарыгулы задремал, и ему приснился сон, больше похожий на явь.

... Он стоит на вершине высокого холма. А внизу что-то шумно празднуют. Раскрыв от удивления рот, он смотрит на это пиршество и вдруг видит, как к нему верхом на конях приближаются его дед Гулгелди и отец Атабай.

– Ата, а чей это праздник, в честь чего этот той?

– Вий, детка, ты разве не понял, это твой той.

И в этот момент прилетела стайка птиц и расселась у них на плечах. И вдруг эти щебечущие птички превращаются в детей. Дед снова обращается к мальчику:

– Чарыгулы джан, вот эти детишки твои, бери и воспитывай их!

От удивления он открыл рот, да так и остался стоять с раскрытым ртом.

– Ого, неужели все эти дети мои?

На этот раз улыбнулся его отец Атабай и погладил сына по голове.

– Вот, даст Бог, ты начнешь размножаться, сынок, и тебя будет много. Вон того высокого мальчика особенно береги, когда он вырастет, станет знаменитым бахши. А теперь пойдём с нами, погуляем на твоём празднике!

Но вот кто-то стал решительно тормозить его, и он открыл глаза.

– Вставай же, поезд приехал в Теджен. Ты ведь говорил, что останешься здесь. А я поеду дальше, в Чарджоу. Будь осторожен, аккуратно спускайся вниз. Дай мне свою поклажу, как бы она не зацепилась за ноги.

Пока мальчишка приходил в себя, сбрасывая остатки сна, дав длинный гудок, поезд умчался вдаль и скрылся за горизонтом. Сон, который он только что видел, неожиданно подбодрил Чарыгулы, придав ему сил. Уж теперь-то все будет хорошо, он не сомневался в этом. Так оно и случилось. Заметив мальчика, стоявшего в обнимку со своим мешком и нетерпеливо смотревшего в ту сторону неба, откуда начинался восход солнца, немолодой человек с седеющей бородой и несколько наклонной походкой сразу понял, что он не здешний. Не спеша, подошел к мальчику. Чарыгулы почувствовал в нем родственную душу и, не таясь, рассказал незнакомцу, откуда и зачем приехал.

– Раз такое дело, пойдём, сынок, со мной. Нельзя оставить твою надобность без внимания, тем более, что ты проделал такой путь.

И они пошли. Когда старик назвался именем Хыдыр (Хызр), мальчику показалось, что он и впрямь встретил Хызра. Пройдя приличное расстояние, они остановились на краю поля, образовавшего мыс между двумя арыками. Было видно, что в этом тихом местечке совсем недавно скосили пшеницу.

– Вот, сынок, здесь пока еще мало кто собирал колоски, так что давай, трудись!

С этими словами Хыдыр ага выложил на брошенный мальчиком на землю мешок приличный кусок белой халвы.

– Говорят, «Не устыдится тот, кто отдает последнее», положишь в рот, когда захочется есть. Остальное зависит от тебя, да поможет тебе Аллах!

Старик ушел, не дожидаясь ответа.

Радуюсь выпавшей на его долю удаче, Чарыгулы трудился, не покладая рук. Он несколько раз прошел полянку из одного конца в другой и обратно. Мешок его заметно выпрямился, окрыленный и счастливый, мальчишка поднял голову и хотел выпрямиться, но острая боль пронзила его спину, заставив парнишку скрючиться. Однако длилось это недолго, радость распирала его, он помогла

ему забыть и об усталости, и о боли. Если он вернется домой с полным мешком колосков, как же будет радоваться его гелнедже! Кто знает, может, перестанет она его ругать и издеваться над ним, может, ласковее станет. Или даже перед соседями похвастается: «Вон, какой у меня деверь, кормилец наш!»...

Чтобы остудить разгоряченное тело, он решил искупаться в бурлящей воде канавы, но, прежде чем войти в воду, невольно посмотрел на свое тело ниже пупка.

– Вот я тебя...

Он и сам удивился, с каким воодушевлением произнес эти слова. Но когда, накупавшись и наплававшись вволю, мальчишка собрался выйти из воды, у него от страха чуть не остановилось сердце. На одежде, которую он спешно содрал с себя и бросил на берегу, свернувшись калачиком, лежала большая черная змея. «Ну, что, раз ты вернулся, теперь сам следи за своими вещами!» – читалось во взгляде змеи, которая, видя, что испуганный мальчик не решается выйти из воды, посмотрела на него, подняв голову и раздув шею, после чего скрылась в густых зарослях тамариска. На память о себе она оставила свою блестящую черную кожу.

Чарыгулы долго стоял, прислушиваясь к себе и пытаясь понять, что же произошло за эти считанные мгновения. Наспех натянув на себя рубаху и штаны, он снова поспешил на делянку с разбросанными на ней колосками. А змеиную кожу, словно счастливую находку, он аккуратно сложил и сунул в просторный карман штанов.

До наступления темноты он доверху набил свой мешок колосками. Но глазами он все время что-то искал, ему казалось, что недавний старик по имени Хыдыр ага должен был оставить здесь что-то наподобие ножа или бритвы. Вдруг в голову ему пришла неожиданная мысль: «Змея могла бы нечаянно укусить меня за кончик члена! Я бы тогда от испуга не почувствовал боли и сам бы откусил кончик». Он был уверен, что, если бы сейчас ему удалось найти ножик или даже обломок разбившегося кувшина, он, не раздумывая, сделал бы себе суннет – обрезание. Но на этом поле можно было найти сколько угодно колосков, но не было того, что ему сейчас было нужнее всего.

Когда день пошел на убыль, и солнце лучами почти коснулось земли, мальчик, находясь в приподнятом настроении, взвалил на плечи отяжелевший мешок и по проселочной дороге направился в северную сторону. Вдруг он увидел поодаль окруженное деревьями село и повернул туда. Однако до села, которое казалось рядом, идти пришлось довольно долго. Пока он добирался до места, совсем стемнело. Он, конечно, мог бы заночевать на скошенном пшеничном поле, но было страшно: а вдруг змея вернется назад, чтобы забрать свою кожу, и заползет под него. А как же иначе, ведь и люди, и звери обязательно возвращаются в то место, где они что-то забыли. Да и не хорошо присваивать себе чужое. Мальчик все время оборачивался, ему казалось, что кто-то преследует его, однако на белесой при свете ранних сумерек глинистой дороге он не видел ничего, кроме следов своих ног. Проведя ладонью по карману, он услышал неприятный треск змеиной кожи и невольно вздрогнул. Но даже тогда ему не захотелось расстаться со своей находкой.

– Да мне и не надо места для ночлега, мне главное найти в здешних местах что-то наподобие ножика или бритвы...

Произнося эти слова про себя, он пошевелил губами, и в этот момент прямо у его ног раздался громкий собачий лай. Страх сковал мальчика. Он и сам не понял, как изо всех сил замахнулся палкой, которая была у него в руках. Похоже, она попала в цель, потому что грозный лай собаки превратился в жалобный визг. Чарыгулы со всех ног помчались обратно, а когда остановился, чтобы перевести дыхание, понял, что кусок правой штанины от колена до самого низа остался в зубах собаки. Он потрогал голень, слава Богу, ни крови, ни раны не было. Поняв, что злые собаки не пустят его в незнакомое село, мальчик повернул на запад, в сторону, где мерцали огоньки. Если он не ошибается, там должна быть железнодорожная станция. Он ласково погладил палку, которая спасла его от собачьих клыков. Это Аллах пришел ему на

помощь, когда положил эту палку на краю поляны, где он собирал колоски! Кажется, это ветка акации. Он одним ударом поверг собаку, отбил ее от нее, похоже, немалую боль ей причинил. Вон как она закружилась на месте, взывала от боли и заскулила! И

даже при этом успела вцепиться зубами в штаны, чтоб ей пусто было! Хорошо хоть при нем была эта палка, она и спасла его. В противном случае, собаки не только бы растерзали его, но и все собранные им колоски с грязью смешали. За той собакой целая свора бежала, они были готовы разорвать мальчика на части, да, видать, эта побитая собака смогла их предупредить на своем собачьем языке, чтобы остановились и не трогали человека, если не хотят получить по клыкам. Собаки резко повернули назад и дали деру.

Размышляя о случившемся, мальчик и не заметил, как дошел до станции. Надо же, сегодня ему и в самом деле выпал удачный день! Не успел он дойти до станции и немного отдохнуть, как с восточной стороны вначале показали огни, а затем и сам поезд, стуча колесами, прибыл на станцию.

Чарыгулы действовал и осторожно, и вместе с тем быстро. Когда одни пассажиры сошли на перрон, а другие сели в поезд, проводник вагона подошел к проводнику соседнего вагона, чтобы перекурить с ним. Мальчик воспользовался удобным моментом, мгновенно нырнул в вагон. Он так спешил, что задел ногой ведро и чуть было не поднял шум, но успел переступить через него. Там, где стояло ведро, была полутьма, заметив тумбу, мальчик поставил на нее свой мешок, а сам спрятался за ней. Тем временем поезд дернулся, запыхтел, дал длинный гудок, извещая о своем отправлении, и застучал колесами. Когда поезд тронулся, Чарыгулы, который все это время дрожал от страха, наконец-то перевел дух. Теперь для него главное незаметно пробраться на крышу вагона. Но именно тут его подстерегла неудача. Он осторожно, на цыпочках, выбрался из тамбура и оказался в пролете между двумя вагонами. Изо всех сил зашвырнув свою ношу на крышу вагона, он начал было карабкаться вверх, как вдруг увидел сорвавшийся сверху мешок. Если он не успеет поймать его, мешок упадет на шпалы. Мальчик вдруг представил, как пропадет труд целого дня, и в тот же миг высвободил одну руку и вцепился в пролетающий мимо него мешок. Ну, а что дальше-то делать, как быть? Если отпустить поднятую вверх руку, сам полетишь вверх тормашками, если же отпустить другую руку, потеряешь мешок с драгоценными колосками.

Неизвестно, сколько времени простоял он в такой неудобной позе. А в голове крутится только одна мысль: «Пусть со мной что угодно случится, но мешок выпускать нельзя». Когда в глазах потемнело от боли, а руки начали слабеть, он изо всех сил стиснул зубы и прикусил губу, от боли у него зазвенело в ушах. Теперь верхняя рука уж точно соскользнет...

И опять случилось чудо. Какая-то сильная рука схватила это тощее тельце. Появись рука минутой позже, и Чарыгулы, и его поклажа могли оказаться внизу, между рельсов. Неся на руках мальчика, словно пойманную кошку, усатый человек вошел в свое тесное, но очень светлое купе и уложил ни живого ни мертвого малыша на полку. Затем умело растер мальчику руки и ноги, сделал массаж. Спустя какое-то время бледный, как смерть, Чарыгулы пришел в себя. От страха широко открыв глаза, он смотрел на человека с густыми усами под мясистым носом и ветвистыми бровями, нависающими над большими глазами. На первый взгляд этот человек в мундире железнодорожника с блестящими пуговицами казался суровым и даже жестоким. Во взгляде мальчика читалось: «И что ты теперь сделаешь со мной?» Но железнодорожник наполнил пиалу с почерневшими краями холодным чаем и поднес ее к растрескавшимся губам мальчика. Мучимый жаждой Чарыгулы залпом выпил этот чай. И только после этого началась их беседа.

– Как тебя зовут?

– Чарыгулы.

-Ты из какого села или же городской?

– Нет, я из Булаклы.

– А где такое село?

– Рядом с Анау.

– Гм-м. А что ты в этих краях делал?

На этот вопрос Чарыгулы не стал отвечать, он только молча уставился на стоящий перед ним мешок, говоря взглядом: «Его тоже сюда занесли».

– А что у тебя в этом мешке, золото, серебро? Ты готов был сам погибнуть, но спасти этот мешок, так ты в него вцепился...

– В нем собранные мною пшеничные колоски.

– Ах, вон оно что. Эх, сыночек...

Усатый человек погладил мальчика по голове и отодвинулся, словно говоря: «Сядь удобнее». Такая теплота в голосе незнакомого человека и его неожиданная доброта растопили лед в сердце мальчика. Сам того не ведая, он вдруг начал всхлипывать, а потом и вовсе расплакался и плакал долго, пока не выплакал всю свою боль, все накопившиеся за коротенькую жизнь обиды! И чем дольше слушал его усатый мужчина, тем большим состраданием проникался к мальчику. Он придвинулся к Чарыгулы и крепко обнял его. А тот, выплеснув свою беду, успокоился. С жалостью посмотрев на мальчишку, мужчина достал откуда-то снизу буханку белого хлеба и нарезал его. Протянув руку, взял банку с мясными консервами и ловко открыл ее при помощи

небольшого перочинного ножа. И этот ножик затмил глаза Чарыгулы. Он не мог оторвать взгляда от этого ножика, блестящее лезвие которого говорило о его остроте. Это был не просто ножик, скорее, это была острая бритва. А ведь ему именно это и нужно!

– А ну, давай, поешь немного. Ты, Чарыгулы джан, не стесняйся, хорошенько поешь, ладно? В этом чайнике есть еще неостывший чай. Я пока сделаю обход по вагону. Ты потом ляг и поспи вон там. Спи спокойно, когда мы будем подъезжать к Анау, я разбужу тебя.

Вначале мальчишка, оставшись единовластным хозяином купе, немножко поел, но потом аппетит пришел к нему, и он жадно набросился на еду. Когда это он ел так много и так вкусно?! Чем больше насыщался он, тем сильнее склеивались его веки. Неизвестно, как долго он проспал... Но в купе с погашенным светом он был один. Посмотрев на столик, мальчик увидел лежащий на нем перочинный нож. Он и сам не понял, только мгновенно вскочил с места, схватил нож и забросил его в свой мешок. И лишь когда снова лег, посмотрел на тьму ночи за окном и прошептал:

– Это не воровство, отец, это необходимость!

Он даже задремал. Когда широкая ладонь едва коснулась его плеча, он резко открыл глаза.

– Вставай, сынок, мы подъезжаем к Анау.

Он поспешно схватился за свой мешок, и в этот момент поезд, вздрогнув, остановился. Тем временем проводник завернул в бумагу оставшиеся полбуханки хлеба и банку консервов и сказал Чарыгулы:

– Не суетись, положи это в свой мешок. Бери, бери, не стесняйся!

Выйдя из вагона, он ласково пожал руку парнишки.

– Меня зовут Худайяр мурт – усатый. Дай Бог нам с тобой повстречаться в другие, добрые времена!

Уже восходило солнце. С мешком за плечами Чарыгулы направился не в свое село, а в сторону песков – на север. Быстро шагая, он дошел до подножия высокого холма и сбросил мешок с плеч. Сунув руку в мешок, отыскал в нем тот ножик. Затем, повернувшись лицом на запад, опустился на колени, сконцентрировался. Разодранные штаны с оторванной штаниной уже лежали в сторонке. Даже не нахмурившись, он решительно провел ножом по натянутой плоти. При свете восходящего солнца цвет крови казался особенно алым. Не почувствовав никакой боли, Чарыгулы испытал огромное облегчение, словно сумел избавиться от лишнего не на теле своем, а в сердце. Кровоточащую рану присыпал белым, как молоко, песком.

* * *

После этого прошло дней десять. Окончательно придя в себя, Чарыгулы однажды вечером снова оказался на железнодорожной станции. Вскоре с западной стороны показался грохочущий поезд. Провожая взглядом проходящие вагоны, мальчик решительно направился к вагону, который остановился чуть дальше того места, где он стоял. Он подошел к сошедшему на землю Худайяру со спины.

– Саламалейкум!

Резко обернувшись, железнодорожник заулыбался и протянул мальчику обе руки.

– Ого, так это ты, братишка, алейкум эссалам!

Ничего не говоря, Чарыгулы протянул мужчине перочинный ножик.

И без запинки сообщил, для чего он взял его. Железнодорожник, слушая рассказ мальчика как удивительную сказку, то подкручивал усы, то качал головой, а потом, взяв протянутый ему нож, сунул его в карман мальчика.

– Пусть он станет для тебя чище материнского молока, Чарыгулы джан! Для человека, выполнившего такое святое дело, этого подарка мало. Ты молодчина, сумел сам себе сделать суннет, выполнил предписанный Аллахом для каждого мусульманина обряд.

... Этот нож – бритва впоследствии пригодился для проведения суннета – обрезания многим мальчикам. Некаýalar